

О. П. Илюха, Ю. Г. Шикалов

**МОДЕЛИ СЕМЬИ И ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В КАРЕЛЬСКИХ И ФИНСКИХ КНИГАХ
ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ЧТЕНИЮ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ
КОНТЕКСТЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.¹**

Динамичные изменения последних десятилетий, происходящие в социуме, включая этнокультурную сферу, влияют на содержание букварей и других книг для обучения чтению. Эти специфические продукты культуры средствами родного языка формируют у детей представление о мире и вносят существенный вклад в становление этнического, гендерного и других уровней идентичности. Для анализа привлечены тексты и иллюстрации, раскрывающие тему семьи и гендерных взаимосвязей в условиях современного периода новейшей истории. На материалах книг, используемых в учреждениях образования Карелии и Финляндии, описаны стратегии и способы репрезентации семьи, передачи семейных ценностей от поколения к поколению. Показаны типы семей, встречающиеся на страницах этих изданий, а также трансформация образа семьи за последние три десятилетия.

Компаративный подход позволил установить, что на рубеже XX–XXI вв. для Карелии и Финляндии характерны разнонаправленные стратегии в репрезентации семьи и гендерных отношений, в различной степени представлены этнические семейные традиции. Книги для младших школьников, изданные в Карелии – пример консервативного подхода к показу моделей семьи и гендерных взаимодействий в микро-социуме. В этих учебниках представлен только вариант полной семьи как ориентир для формирования ценностных установок. В Финляндии наблюдается многообразие вариаций с целью предоставления ребенку возможности увидеть себя и собственную семейную ситуацию «в зеркале книги». В финских источниках наблюдаются отказ от репрезентации традиционной модели этнической семьи, замена ее на этнически непроявленные формы семейных союзов.

Ключевые слова: Карелия, Финляндия, история образования, этническая культура семьи, репрезентация, гендер, этнокультурные, социальные трансформации.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-1-165-179

Теоретические основания, подходы и методы

Институт семьи, непосредственно связанный с проблемой гендера и гендерных отношений, в период новейшей истории оказался в эпицентре социальных противоречий, а разнонаправленные дискурсы о перспективах развития семьи стали ареной борьбы различных мировоззрений. В условиях глобализации институт семьи остается системой, поддерживающей вариантность, многообразие этнических культур, формирует идентичность; в то же время в лоне семьи идут процессы культурной ассимиляции и интеграции. В этой связи чрезвычайно актуализировался вопрос об определении гендерной идентичности детей, которые в процессе социализации

¹ О. П. Илюха выполняла свою часть исследования в рамках государственного задания Карельского научного центра РАН.

вписывают свое «я» в существующую культуру. Именно в семье – ближайшем окружении ребенка – происходит первая «примерка» гендерных ролей.

Интерес к семье, исследуемой в историко-этнографическом ключе уже более столетия, на рубеже XX–XXI вв. чрезвычайно оживился. Никогда прежде не появлялось за короткое время так много научных трудов по этой теме [Антонов, Медков 1996, 6]. Фамилистика стала комплексным междисциплинарным направлением, дальнейшее развитие которого требует привлечения малоизученных источников, открывающих новые горизонты и ракурсы темы. Особое значение приобретают проблемы культурного межпоколенческого разрыва и трансляция признанных обществом и государством ценностей юному поколению.

Исследования этнологов и социальных антропологов показывают, что система образования является проводником государственной «семейной политики» [Сорокина 2019, 272–278]. Специалистами доказано также, что идеальный образ семьи, в котором в той или иной мере проявлена этнокультурная составляющая, начинает стихийно складываться у детей уже в дошкольном возрасте. Вместе с тем отмечено, что детские образовательные учреждения, включая дошкольные и начальную школу, могут уточнять и корректировать представления детей о семье, семейных этнических традициях, формировать ценностные ориентации в этом направлении [Демидова 2004; Гукаленко, Левицкая 2001]. Установлено также, что тема семьи относится к гендерно-чувствительным образовательным практикам [Вьеловейски, Дебус, Кеннеке, Шверма, Штуве 2014, 386].

Ряд продуктов культуры, «потребление» которых происходит под контролем системы образования, имеет особое значение для процесса формирования идентичности, поскольку охватывает большую массу детей. К таким продуктам культуры, в частности, относятся книги для обучения чтению, прежде всего – буквари. Эти книги впервые прочитываются самостоятельно, обладают способностью запечатлеваться в сознании, помогают ребенку упорядочить его представления об окружающем мире. Кроме того, они несут печать официально санкционированного знания, «говорят языком власти». Представленные на страницах этих книг иерархии явлений, процессов, людей и т.д. осуществляют идеологическую индоктринацию и формируют культурные идеалы, стереотипы и базовые ценности целых поколений [Баранникова, Безрогов, Макаревич, Маркарова 2010].

Семья как ближний круг ребенка широко представлена в книгах для обучения родному языку. Здесь она, как и многое другое, изображается в лаконичных текстах, но более информативными оказываются картинки, которые могут прочитываться как визуальный «текст» со своими смыслами и акцентами. В месте встречи слова и наглядного образа складывается изобразительно-словесная связка, или, по определению Уве Пёрксена, визиотип, где сочетание словесного и наглядного способствует усилению смыслового воздействия [Poerksen 1997, 10–11].

Авторы данной статьи обращаются к букварям и книгам для обучения чтению, которые использовались в учреждениях образования Карелии и Финляндии на рубеже XX–XXI вв., с целью выявления стратегий, приемов и способов репрезентации семьи по обе стороны российско-финляндской границы. Нам представляется важным выяснить, насколько эти книги отражали происходившие в обществе этнокультурные и социально-демографические перемены.

Подчеркнем, что для исследования были выбраны издания, официально рекомендованные к использованию в начальной школе и детских дошкольных учреждениях. В Карелии – это, прежде всего, учебники карельского языка для начальной школы, в Финляндии – книги такого же рода для детей, которые учатся читать по-фински. В них четко представлены знаки региональной, а также гражданской идентификации, прочитываются маркеры этничности, проявления «карельскости» или «финскости».

В поле нашего зрения – постсоветские буквари в Карелии и финляндские буквари времен Евросоюза. В 1990-е гг. в Карелии начался новый этап развития карельской письменности, национальная интеллигенция вела активную работу по возрождению карельской культуры. В то же время Финляндия, вступившая в 1995 г. в Евросоюз, стала жить по новым правилам. Гло-

бализация и сочувственная эмиграционная политика привели к расширению многообразия типов семьи в социуме и радикальным изменениям взглядов общества на роль семьи и на ее формы. Одновременно деформировались ценностные ориентиры в гендерной политике, создавались новые законы об отношении к представителям сексуальных меньшинств. В обществе стала доминировать идея воспитания детей в духе толерантности и свободы самоидентификации.

Территориальные рамки исследования охватывают два географических объекта – Карелию и Финляндию, две республики, одна из которых является административной единицей в составе Российской Федерации, другая – отдельным государством. Основанием для сопоставления культурных явлений на двух территориях с неравнозначным государственно-административным статусом является то, что они имеют общую границу, обусловившую давние историко-культурные контакты. В постсоветское время Карелия и Финляндия связаны разнообразными культурными проектами, включая интенсивное взаимодействие 1990-х гг. в сфере образования, которое продолжилось и в 2000-е, хотя постепенно ослабевало.

Корпус исследованных книг составляет 11 наименований на карельском языке и 10 наименований на финском языке.

Семейные гендерные взаимодействия на страницах учебников карельского языка

В силу историко-политических обстоятельств карельская письменность имеет прерванную традицию. Учебники карельского языка на кириллице или с частичным использованием карельского языка эпизодически издавались в первой половине XX в. В основном же карельским детям приходилось учиться по русским и по финским букварям, – это определялось меняющейся языковой политикой. На страницах букварей семья была представлена в духе своего времени: в дореволюционный период – в контексте христианских ценностей, в патриархальном плане, в советских условиях – как «ячейка равноправных членов общества», строящего социализм. При этом семейная иерархия и гендерные роли в том и другом случаях были четко определены [Илюха, Шикалов 2013, 375–396].

Возрождение карельской культуры и создание новописьменного (с использованием латиницы) карельского языка пришлось на последние годы существования СССР и на постсоветское время, связанное с переоценкой самих основ социально-культурного развития и пересмотром общественных идеалов. Создание первых учебников осуществлялось в сжатые сроки; освобождение от советских сюжетов шло постепенно, в результате чего соседствовали и переплетались советский, постсоветский и этнонациональный дискурсы. Данное явление было характерно для национальной учебной книги и за пределами Карелии. При этом содержание местных изданий зачастую оказывалось более инерционным, чем русских букварей, выпускаемых федеральными издательствами [Сальникова, Галиуллина 2016, 167–171].

Как идеал в учебниках карельского языка раннего постсоветского времени представлена трехпоколенная семья – дети, родители, бабушки и дедушки. В полном составе как желаемая реальность она присутствует только в пределах фоторамки, на постановочном снимке [Зайков 1993, 15; Панкратьева, Хорошилова 2007, 9; Панкратьева, Хорошилова 2008, 9]. Общение детей с представителями старших поколений проходит, как правило, по двум редко пересекающимся линиям: дети – родители и дети – прародители. Старшие заботятся о детях, а их взаимодействие осуществляется, прежде всего, в различных работах по хозяйству, воспроизводящих традиционную гендерную асимметрию ролей.

Основное содержание межпоколенческих связей – трансляция этнических традиций. Эта линия репрезентации семьи обозначилась уже в самых первых учебниках карельского языка, созданных на излете перестройки. Отцы или деды передают детям навыки плетения из бересты и более распространенных «мужских» работ (заготовка дров, обработка древесины, рыбная ловля), в то же время матери или бабушки учат дочерей стряпать, ухаживать за домашними животными, вязать и шить [Маркианова 1990, 16–18, 26–27, 40; Зайков 1995, 47]. Настоящее, представленное на страницах учебников карельского языка, связано с прошлым, здесь почти нет знаков прогресса. Семью – родителей и детей – объединяют совместное приготовление еды, трапеза.

Показательно, что идея возрождения традиций привела к появлению на страницах букварей темы карельского рода, расширенной модели семьи, опирающейся на широкие родственные связи. В учебнике П. М. Зайкова 1995 г. в тексте «Ativoissa» («В гостях») воплощается мысль о том, что в карельской деревне большинство жителей связано родовыми узами. Для названия рассказа о современной девочке привлечен архаичный термин, использовавшийся когда-то для обозначения обычая гостевания у родственников как одного из звеньев в цепи «обрядов перехода» в процессе взросления. В этом тексте детям были продемонстрированы забытые формы приветствий между родственниками, а также ритуалы, основанные как на православных, так и на языческих традициях, сохранившиеся в советское время именно в лоне семьи: обычай «крестить глаза» (карельское обозначение православного крестного знамения) и ритуал благодарения бани и всех, кто ее построил и подготовил для мытья и паренья [Зайков 1995, 13–15]. Такого рода тексты отражали общий дискурс учебников постперестроечного времени, из которых ушла советская символика, но еще не определилась иерархия новых символов и ценностей, что уводило авторов в идеализированную этническую патриархальность [Дорогой друг... 2016, 8].

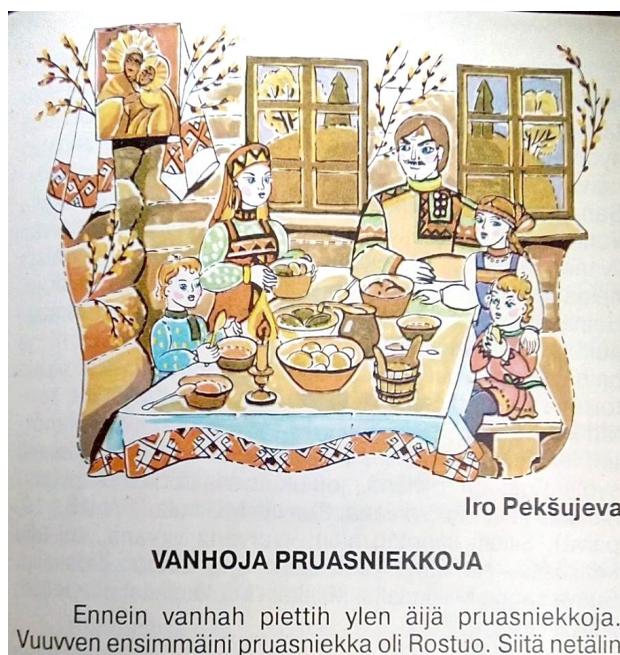

Рис. 1. Семья на страницах учебников карельского языка 1990-х гг.

- А) Слева: Отец и сын с изделиями из бересты, мать и дочь стряпают традиционные карельские калитки. Четко обозначены гендерные границы и преемственность гендерных ролей [Маркианова, Дубровина 1990, 16].
- Б) Справа: Трапеза в православной карельской семье. Одно из свидетельств идеализации прошлого [Zaikov 1995, 93].

В целом же ситуаций, где бы родители и дети были вместе, в изданиях 1990-х гг. – единицы. Взаимодействие, общение в стенах дома в основном происходит между детьми и бабушками, дедушками. По нашим подсчетам, в книгах этого времени на один сюжет, объединяющий детей и родителей, приходится восемь сюжетов, где дети представлены вместе с бабушками и дедушками. При этом дом – символический эквивалент семьи – деревенский, тогда как в Карелии с середины XX в. значительная часть населения живет в городах. Очевидна интенция авторов учебников этого периода – возвращаться к национальным корням, истокам; через общение с дедушками и бабушками – хранителями традиции – осваивать язык и культуру своего народа. Поколение тех, кто становился родителями в 1990-х, в массе своей утратило знание родного языка, но еще была надежда на его возрождение в местах традиционного проживания

карелов. В целом характер внутрисемейных взаимодействий детей и взрослых на страницах учебников первого постсоветского десятилетия можно охарактеризовать как контроль старших и отчет младших по поводу учебы, а также взаимную заботу-помощь в домашнем быту.

Картина меняется в учебниках начала XXI в. Теперь основное место локализации «букварной семьи» – город. В этой перемене отразилась характерная для Карелии этнокультурная динамика: родители, выучившие карельский в школе и университете, получили право быть широко представленными на страницах учебников карельского языка. Теперь родители и дети не только совместно хлопочут по дому, но и вместе отдыхают, развлекаются. Представленные на страницах учебников дедушки и бабушки живут у детей в городе зимой, а летом вместе с внуками отправляются в свой деревенский дом, – так фиксируются сезонные изменения в составе семьи. В изображениях быта семьи расширилось присутствие знаков современной цивилизации, появился компьютер и телевизор, но при этом сохранялось традиционное распределение ролей с выраженной гендерной асимметрией. Все та же мама с пирожками, бабушка с вязанием, отец и дед за чтением газет или просмотром телепередач. Инверсия ролей возможна только в праздник 8 Марта [Зайков 1993, 93]. Общие занятия направлены на освоение традиционных бытовых навыков. Мальчики (но не папы) занимаются уборкой дома, при этом они лишь помогают маме, то есть этот вид деятельности по-прежнему считается «женским».

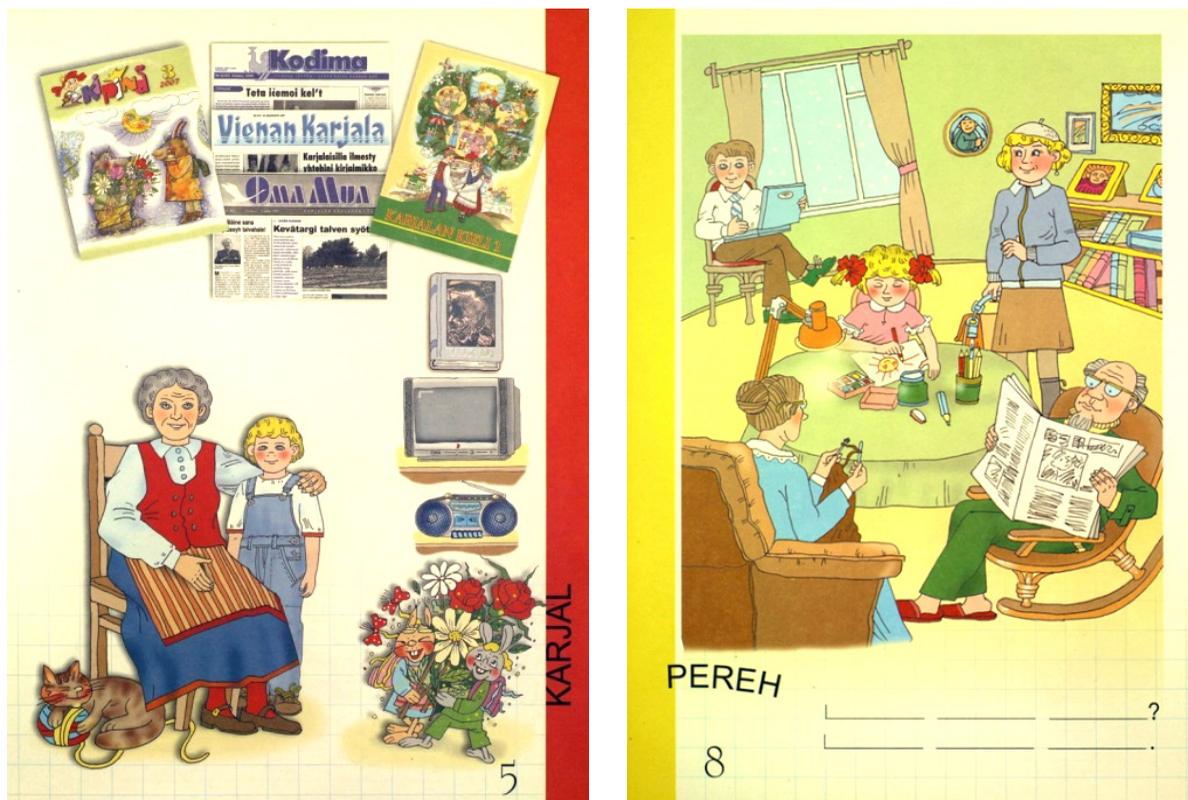

Рис. 2. Канонические иллюстрации из учебников карельского языка начала XXI в. тиражируются уже более 10 лет в букварях на ливвиковском и собственно карельском наречиях.

А) Слева: Бабушка с внуком – символ живой традиции. Они в обрамлении СМИ, помогающих возродить язык и культуру [Жаринова, Барышникова, Кондратьева, Щербакова 2007, 5;

Панкратьева, Хорошилова 2007, 5].

Б) Справа: «Букварная семья». Всегда присутствовавший в советских букварях «газетный папа» постарел и стал «газетным дедушкой». Бывший пионер стал «компьютерным папой». Образ бабушки неизменен со времени букварей XIX в. до наших дней. В руках у мамы объемная сумка вместо авоськи советского образца с продуктами. Мама – центральный образ семейного микросоциума [Жаринова, Барышникова, Кондратьева, Щербакова 2007, 8; Панкратьева, Хорошилова 2007, 8]

Как видим, в книгах для обучения чтению на карельском языке образ семьи в последние десятилетия менялся. Если гендерной доминантой 1990-х гг. были контакты прародителей с внуками, то в 2000-х на передний план выходят контакты родителей с детьми. Характер взаимодействий также несколько изменился: от контроля, совместного труда и помощи в 1990-х – к опеке и заботе, совместному отдыху в 2000-х. Совместная деятельность родителей и детей стала более разнообразной.

Образ семьи в учебниках карельского языка в какой-то мере отражал признанный обществом идеал семейной жизни², но не показывал многообразие семейных вариаций в обществе. Как установлено демографами и социологами, уже к началу 1970-х гг. в Карелии самой распространенной была семья, состоящая из супружеской пары с двумя детьми (45,7%) – классический тип семьи. Довольно много было семей, в которых воспитывался один ребенок (почти треть семей). Примерно в каждой седьмой семье – трое детей. Однако трехпоколенная семья сохранялась в общественных представлениях как идеал, хотя совместное проживание трехпоколенной семьи в городе уже в 1970-х гг. стало редкостью [Клементьев 2013, 277]. С начала 1990-х гг. отмечался быстрый рост числа неполных и неблагополучных семей, матерей-одиночек; больше стало семей, где воспитывались дети одного или обоих супругов от прежних браков, росло число национально-смешанных семей [Шумилова 2013, 320–321]. Растущая вариативность типов семей не отразилась ни в букварях, ни в иных учебных книгах для чтения на карельском языке. Эта же особенность наблюдается и в краеведческих изданиях для младших школьников [Илюха, Шикалов 2017, 272–274]. Единичные репрезентации современной семьи в творчестве карельских детских писателей представлены ее трехпоколенным вариантом, где хранительницей традиции и нравственным камертоном выступает бабушка [Чикина 2012, 150].

Семья и гендер в финских изданиях для детей

В последние десятилетия в Финляндии происходят заметные перемены в области института семьи. Традиционная финская семья с детьми и двумя разнополыми родителями, являвшаяся ранее основной «ячейкой общества», утрачивает свое главенствующее положение в социуме и уже не считается единственно возможной формой семейного союза. Узаконенные формы брачных союзов приобретают все большее многообразие. Меняются и акценты в распределении ролей в семье. Традиционный отец, обеспечивающий материальную сторону жизни семьи, как и традиционная мать, озабоченная уходом за домом и детьми, – эти роли перестали быть актуальными в финском обществе, стремящемся к уничтожению любых дискриминаций.

Многообразие форм семьи растет, с одной стороны, в связи с интенсивной миграцией, усиливающей пестроту этнических и религиозных традиций в финском обществе, а с другой – по причине трансформации нормативных представлений и их отступлением перед напором массовой культуры, расширением интереса к нетрадиционным формам сексуальных отношений. Это многообразие поддерживается законодательством, в последние десятилетия ставящем во главу угла толерантность и предоставляющим право на существование многим ранее не признаваемым брачным союзам. Так, во втором десятилетии XXI в. в Финляндии появились зарегистрированные семьи однополых пар – «радужные» семьи [Raajanen 2007, 3–4; Aarnio et al. 2018, 13]. В «радужной» семье может быть не только двое, а трое или даже четверо «родителей» нетрадиционной сексуальной ориентации. К нетрадиционным семьям относятся и семьи, состоящие из детей и родителей-одиночек. В стране много и так называемых «обновленных семей», образующихся в случаях, когда разведенные родители заключают новые браки. По этой причине тысячи детей живут неделями поочередно в двух разных семьях. С притоком эмигрантов заметно увеличилось число семей с родителями, представляющими разные культуры и говорящими на разных языках. В изданном в 2020 г. руководстве для специалистов школьного и дошкольного

² Семья в числе базовых национальных ценностей и источника нравственности закреплена в «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» [Данилюк, Кондаков, Тишков 2009, 18]

воспитания отмечено, что в настоящее время почти каждая третья финская семья так или иначе отличается от традиционной семьи [Monimuotoiset perheet... 2020, 4].

В финской системе образования доминирует подход, согласно которому дети, живущие в нетрадиционных семьях, не должны страдать от чувства неполноценности и подвергаться насмешкам со стороны сверстников. С этой целью уже в младшем возрасте детей необходимо знакомить с существующим в обществе многообразием форм семей, воспитывать в них толерантность по отношению к представителям разных этносов и сексуальных ориентаций. Подобная направленность работы в дошкольных учреждениях и младших классах школы должна, по мнению специалистов, также облегчить родителям в нетрадиционных семьях поиск ответов на возможные проблемные вопросы, возникающие у детей, она также позволяет взрослым открыто говорить о сексуальных взаимоотношениях [Monimuotoiset perheet... 2020, 6].

Еще одним трендом современной финской системы образования является стремление к нивелированию гендерных различий. Мальчики и девочки не должны чувствовать разницы в воспитании, их ни в коем случае не следует разделять по признаку пола. Ликвидация проявлений дискриминации в детской среде и сглаживание разницы в подходах к социализации девочек и мальчиков являются приоритетными задачами финских дошкольных и школьных учреждений в последние десятилетия. Эта линия не могла не отразиться на таких важных инструментах формирования идентичности, как буквари и книги для чтения, предназначенные для детей младшего школьного возраста.

Авторы учебной литературы для детей младшего возраста стремились сделать содержание своих книг максимально толерантным во всех отношениях. Например, нейтрализация текстов букварей в этнокультурном и религиозном отношении привела к тому, что с их страниц исчезла информация о Рождестве – особо чтимом в современной Финляндии празднике, ориентированном прежде всего на детей». Изменилось и изображение «букварной семьи». Если прежде семья в финских букварях представлялась в традиционном ключе (двое разнополых детей, хлопочущая по хозяйству мама и отец, читающий газету или работающий где-то за пределами дома – явные представители национальной культуры), то уже в конце прошлого века картинки, изображающие подобные семьи, встречаются крайне редко [Martikainen 2006, 52–53, 58]. Сельскую обстановку, в которой, как правило, значительно лучше сохраняются этнокультурные признаки, заменяют городскими ландшафтами и квартирами, в которых этно-национальными маркерами могут быть только флаг Финляндии или некоторые типичные для финской культуры атрибуты вроде сауны и карельских пирожков.

Из современных финских букварей почти исчезли даже такие, казалось бы, крайне необходимые детям слова, как «мать» и «отец». Так, в букваре «Aapinen: satulakka, viestivakka, tietorakka» главными героями являются четверо детей и двое взрослых. Несомненно, что речь в этой книге идет о семье, но при этом родители называются только по именам. Имена используются финские, и это, пожалуй, единственное, что указывает на этническую принадлежность героев. Хотя и в этом плане наметились изменения, состоящие во все большем использовании «иностранных» имен, что является общим следствием процессов глобализации. В букваре «Pikku Vipunen» глава семьи тоже зовется только по имени, а имя матери вообще не упоминается. Еще одним примером такой «неявной» семьи служат герои букваря «Hauska matka Aapinen»: двое детей и двое взрослых.

Удобным приемом для сглаживания остроты этнической и гендерной тем является использование в некоторых букварях традиционного приема детской литературы – наделение антропоморфными признаками животных, которые действуют сообразно принятым в человеческом социуме правилам [Huovi, Wäre, Töllinen 1991; Wäre, Suonranta-Hollo, Lerkkanen 2006]. Считая, что упоминания о маме и папе могут травмировать малышей, живущих в неполных или «радушных» семьях, создатели букварей отказываются от семейной темы или заменяют людей животными, что представляется им правильным решением в их стремлении «никого не обидеть» [Martikainen 2006, 57]. Подобные «лесные» семьи не могут вызвать нареканий и у представляющих иноэтнические культуры родителей, дети которых учатся в финских школах.

Рис. 3.

А) Традиционная «букварная семья» в издании «Kotiaapinen», 1969 г.

Б) Семья из букваря начала 1990-х гг. – это, скорее, команда, в которой родители являются товарищами детей по играм. Рисунок из букваря «Aapinen: satulakka, viestivakka, tietopakka»

Отказ от использования в букварях образа традиционной семьи связан также с изменениями общественных взглядов на роль родителей в социализации детей. Отец и мать уже не воспринимаются как основные наставники потомства. Социологический опрос, проведенный в 2006 г., показал, что в финском обществе все большая ответственность за воспитание ребенка возлагается на дошкольные учреждения и школу [Raajanen 2007, 82–83]. Если раньше моральные ценности и нормы поведения в семье, предлагаемые букварями, строились на основе христианской морали, «смирной любви и послушания», то современные буквари предлагают модели приятельских отношений с родителями. Современная «букварная семья» – это, скорее, команда, в которой родители являются товарищами детей по играм [Koski 2001, 114–121, 125].

При этом авторы финских букварей практически не затрагивают тему многообразия форм современной семьи, тогда как она хорошо раскрывается в книгах для чтения, рекомендованных для учреждений образования. Примером может служить издание «Tatun ja Patun Suomi», впервые увидевшее свет в 2007 г.³ Книга получила высокую оценку специалистов и общественности и была рекомендована в качестве учебного пособия для дошкольных подготовительных групп. В ней имеется раздел, в котором авторы знакомят читателя с многообразием форм финских семей. «Финскость» традиционной семьи, которой авторы посвятили отдельный разворот книги, определяется лишь некоторыми атрибутами обстановки (украшения и предметы мебели известных финских дизайнерских фирм, сувениры) и определенным подбором книг на полке. Помимо традиционной семьи, в книге представлены семья шведоязычных пенсионеров и семья мигрантов из Сомали, а также не идентифицированные по этническому признаку «обновленная семья», семья матери-одиночки и другие. [Navukainen, Toivonen 2007, 11–13].

³ Эта книга входит в серию изданий о забавных братьях Тату и Пату, выходцах из страны «Чудляндии», которые с интересом знакомятся с окружающим миром. Книги этой серии пользуются огромной популярностью в Финляндии и за рубежом. Часть книг этой серии выпущена и на русском языке, однако «Tatun ja Patun Suomi» пока не переведена на русский

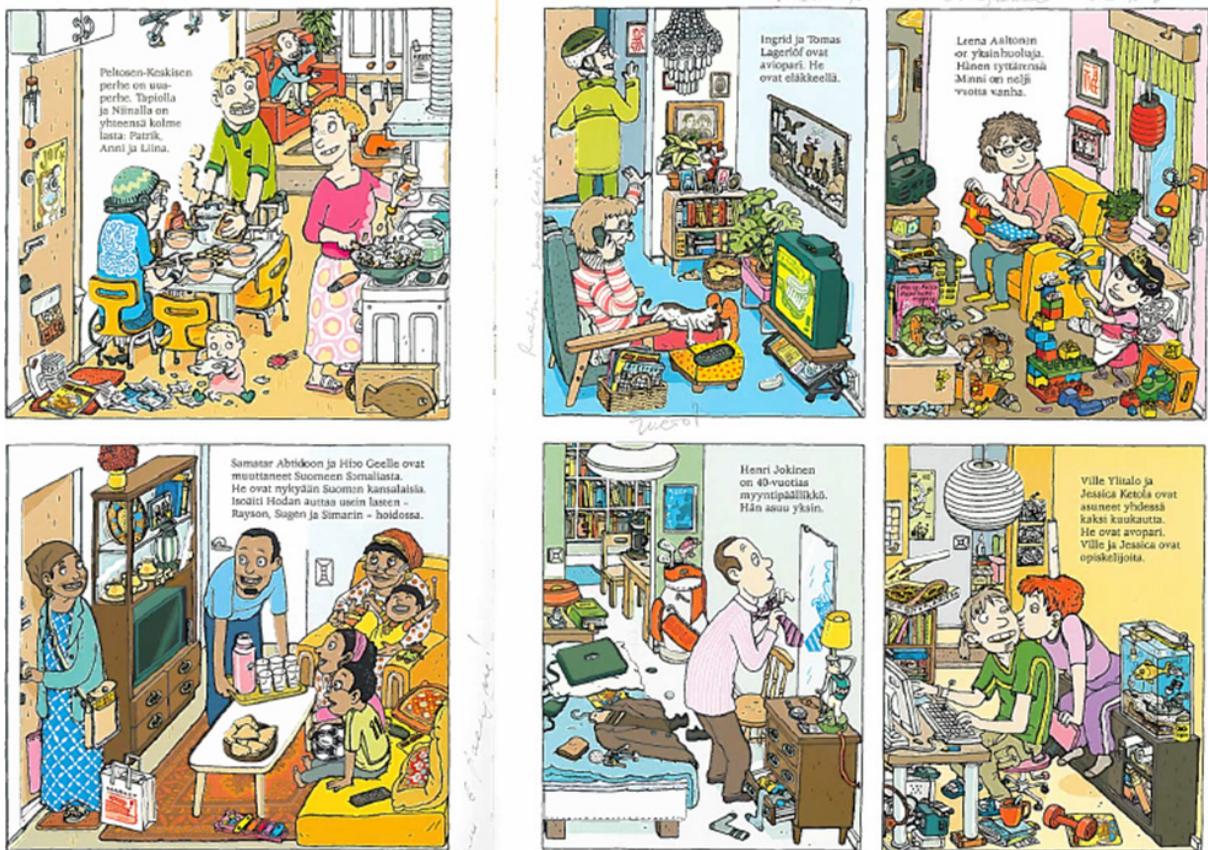

Рис. 4. Типы финских семей из книги «Tatun ja Patun Suomi»: обновленная семья (семьи после разводов, с совместными детьми и детьми от прежних браков), семья пенсионеров, мать-одиночка с дочерью, семья эмигрантов из Сомали, одинокий холостяк, студенты в гражданском браке

Стремление к нейтрализации различий наблюдается и в сексуальном воспитании детей. Изменения в политике по отношению к институту семьи позволяют авторам детских книг представлять нетрадиционные формы семей и сексуальных ориентаций во всем их многообразии. Примером тому может служить вышедшая в 2014 г. книжка «Kiota perheeni», представляющая собой своего рода «учебник» для финских малышей по теме «радужных» семей и решения проблемы гендерной самоидентификации. Героиней этой книжки является девочка по имени Куу⁴, живущая с двумя «мамами». Ее сосед и лучший друг Ким, в свою очередь, живет с двумя «папами». Ким является биологическим братом Куу, поскольку одна из «мам» девочки зачала его «из пробирки» по просьбе «пап» Кима. Вместе эти две пары и их дети представляют собой клеверную семью. У Куу есть также крёстный Ники, который родился девочкой, но считает, что он родился в «неправильном» теле и поэтому одевается и ведет себя как юноша. На рисунках в книжке и сама героиня изображена в максимально нейтральном виде, с короткой стрижкой и без намека на девичьи атрибуты в одежде.

Книга о девочке Куу знакомит детей не только с «радужными» семьями, но и с темой искусственного оплодотворения, а также с транссексуальностью. Закон об искусственном оплодотворении, вошедший в силу в 2007 г., внес новые нюансы в ответы на извечный детский вопрос «Откуда берутся дети?». Финская детская литература быстро отреагировала на изменения.

⁴ Имя Куу, что на русском языке означает Луна, представляет собой так называемое гендерно-нейтральное имя. В последнее время в Финляндии наблюдается мода на подобные имена. Обычно эти имена позаимствованы от природных терминов – *Puro* (Ручей), *Salama* (Молния) и т. п. [<https://yle.fi/uutiset/3-7629803>]. В финском языке отсутствует деление существительных на мужской и женский роды, поэтому подобное использование слов никого не удивляет

Рис. 5. Иллюстрации в книжке «*Kioma perheeni*» демонстрируют варианты «радужных семей».

А, Б) Семья, где две «мамы», и семья, где два «отца»;

В) Куу и Ким – дети из этих семей: Куу родилась от донорского семени одного из «отцов» Кима, а Кима вынашивала одна из «мам» Куу. Вместе эти семьи представляют т. н. «клеверную семью».

Дети на рисунках изображены без типичных гендерных признаков, они еще не определились со своей гендерной ориентацией;

Г) Крёстный (или крёстная) Куу по имени Ники – человек женского пола, чувствующий себя мужчиной

Уже в следующем году вышла книжка для детей дошкольного возраста «*Emma ja erilainen perhe*», в которой наряду с представлением различных типов нетрадиционных семей рассказывается и о биологических «папах» и «мамах», т. е. донорах, не входящих в состав семьи. Руководством для освещения вопросов о рождении детей может служить и книжка «*Meidän riihan perhesopra*», изданная в 2015 г. В предисловии авторы отмечают, что в настоящее время в Финляндии четверо из каждой сотни детей рождается в результате искусственного оплодотворения, и вопрос о том, как доступно рассказать малышам о разных способах зачатия, волнует многих родителей. Книга дает ответ на этот вопрос.

Увеличение многообразия форм современных финских семей, изменение их функций, а также стремление финского общества к максимальной толерантности по отношению к представителям разных культур и сексуальных ориентаций находят широкое отражение в современной финской литературе. Вместе с тем освещение этнического своеобразия семей почти полностью ушло из книг для детей. Издания для обучения чтению уже не решают задачу формирования этнической идентичности, а направлены на создание гражданской нации. При этом сохраняется и усиливается политика сохранения культур малых народов, живущих на территории Финляндии. В первую очередь это касается саамов и выражается в предоставлении возможности получить начальное образование на саамском языке, а также продолжить его изучение в дальнейшем.

Заключение

По разные стороны российско-финляндской границы осуществляются различные подходы к репрезентации моделей семьи в букварях и книгах для чтения. Это связано с ценностными установками, с господствующими в обществе представлениями о семье и ее будущем. Книжки для младших школьников, изданные в Карелии – пример консервативного подхода к репрезентации моделей семьи и гендерных взаимодействий в ней, культивирования этнических семейных норм. В них показан только идеальный вариант семьи как ориентир для формирования представлений, что является закономерным откликом на общественно признанные традиционные ценности. Если в карельских изданиях акцентируется этнокультурная тематика как инструмент этнической идентификации ребенка, то в Финляндии в последние десятилетия ярко обозначился крен в сторону проблематизации гендерного самоопределения детей. В финских

изданиях для обучения чтению показан широкий спектр типов семей с целью предоставления ребенку возможности увидеть себя и собственную семейную ситуацию «в зеркале книги». Это несхожее положение вещей отражает многообразие идеологий и норм семейной жизни в современном мире. При этом и в Карелии, и в Финляндии буквари, при всей разнице подходов к теме, в целом остаются более консервативными по своему содержанию, чем книги для чтения, что связано, прежде всего, с фильтрами образовательных систем, определяющими приоритет выверенных, устоявшихся в обществе представлений.

ЛИТЕРАТУРА

Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ, 1996. 304 с.

Баранникова Н. Б., Безрогов В. Г., Макаревич Г. В., Маркарова Т. С. Учебник для начальной школы 1900–1940-х гг. как заповедник педагогических идеалов // «Пора читать»: буквари и книги для чтения в предреволюционной России, 1900–1917 гг. Сб. науч. трудов и материалов / ред. Т. С. Маркарова, В. Г. Безрогов. М., 2010. С. 7–40.

Веловейски П., Дебус К., Кеннеке Б., Шверма К., Штуве О. Гендерно-чувствительная работа с мальчиками в школе: концептуальные основы и выводы из ряда курсов повышения квалификации учительниц и учителей в Германии // На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований. СПб., 2014. С. 379–388.

Гукаленко О. В., Левицкая И. Б. Инновационные технологии: воспитание ценностного отношения к семье в условиях школьного образования. Тирасполь: РИО ПГУ, 2001. 87 с.

Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. Серия «Стандарты второго поколения». Москва: Просвещение, 2009. 24 с.

Демидова Н. И. Взаимодействие детского сада и семьи в процессе формирования «образа семьи» у старших дошкольников // Детский сад от А до Я. 2004. № 4. С. 79–83.

Дорогой друг: социальные модели и нормы в учебной литературе 1900–2000 годов (историко-педагогическое исследование). Коллективная монография / ред. В. Г. Безрогов, Т. С. Маркарова, А. М. Цапенко. М.: Памятники исторической мысли, 2016. 568 с.

Жаринова О. М., Барышникова А. В., Кондратьева С. Ф., Щербакова Т. В. Karjalan kieli 1: учебник для 1 класса общеобразовательных учреждений. Петрозаводск: Периодика, 2007. 39 с.

Зайков П. М. Kaunista Karjalua: luventakirja vienankarjalaksi: 2. luokka. Книга для чтения для северокарельских школ. Петрозаводск: Карелия, 1993. 117 с.

Зайков П. М. Luvemma vienankarjalaksi: 3-4. luokka. Книга для чтения на северо-карельском диалекте. Петрозаводск: Карелия, 1995. 167 с.

Илюха О. П., Шикалов Ю. Г. Репрезентация дома и семьи в букварях и учебниках для карельских детей первой половины XX в. // Карельская семья во второй половине XIX – начале XXI в.: этнокультурная традиция в контексте социальных трансформаций. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. С. 375–396.

Илюха О. П., Шикалов Ю. Г. Конструируя идентичность: образы Российской Карелии и Финляндии в книгах-путешествиях для детей начала XXI века // Гибкие этничности. Этнические процессы в Петрозаводске и Карелии в 2010-е годы. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2017. С. 262–292.

Клементьев Е. И. Карельская городская семья. Социологический обзор обследования 1972 г. // Карельская семья во второй половине XIX – начале XXI в.: этнокультурная традиция в контексте социальных трансформаций. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. С. 272–285.

Маркианова Л. Ф., Дубровина З. М. Aberi / Букварь. Петрозаводск, 1990. 95 с.

Панкратьева Е. В., Хорошилова Т. Е. Karjalan kieli, 1: учебник для 1 класса. Петрозаводск: Периодика, 2007. 39 с.

Панкратьева Е. В., Хорошилова Т. Е. Karjalan: 2. Luokka. Карельский язык: собственно-карельское наречие: учебник для 2 класса общеобразовательных учреждений РК / худож. А. Н. Трифанова. Periodika, 2008.

Сальникова А. А., Галиуллина Д. М. Татарская «Алифба»: история и современность. Казань: Татар. книжн. издат., 2016. 196 с.

Сорокина Е. А. Дети и родители современной Швеции // Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности. М.: ИЭА РАН, 2019. С. 272–278.

Чикина Н. В. Детская литература Карелии на финском, карельском и вепсском языках. Петрозаводск, 2012. 150 с.

Шумилова М. М. Семья в Карелии в начале XXI в. // Карельская семья во второй половине XIX – начале XXI в.: этнокультурная традиция в контексте социальных трансформаций. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. С. 315–328.

Aarnio K., Kylmä J., Solantausta T. & Rotkirch A. Sateenkaariperheiden vanhemmat. Kokemuksia lasten hyvinvoinnista, perhesuhteista ja tuen saannista. Helsinki: Väestöliitto, 2018. 187 s.

Democratic Schools: Lessons in Powerful Education / Eds. Michael Apple and James A. Beane. Portsmouth, NH: Heinemann, 2007. 174 p.

Harainen P., Lumme L. Emma ja erilainen perhe. Helsinki: WSOY, 2009. 25 s.

Havukainen A., Toivonen S. Tatun ja Patun Suomi. Keuruu: Otava, 2007. 48 s.

Huovi H., Wäre M., Töllinen M. Iloinen aapinen. Espoo: Weilin + Göös, 1991. 177 s.

Järvinen P., Kyllijoki V., Mansikka N. Pikku Vipunen. Keuruu: Otava, 2007. 96 s.

Kaljunen A., Karemo B., Metsikkö T. Kotiaapinen. Tampere: Valistus, 1969. 81 p.

Kallioniemi T., Katajamäki M., Raikunen S. Aapinen: Satulakka, Viestivakka, Tietopakka. Keuruu: Otava. 1-е издание, 1994 г. 175 s.

Kallioniemi T., Raikunen S. Hauska matka Aapinen. Keuruu: Otava. 1-е издание, 2001 г. 176 s.

Katajavuori R., Toivanen R., Tokola M. Meidän pihan perhesoppa. Helsinki: Tammi, 2015. 35 s.

Kincheloe Joe L. Critical Pedagogy in the Twenty-First Century: Evolution for Survival // Counterpoints. Vol. 422, CRITICAL PEDAGOGY in the new dark ages: challenges and possibilities. 2012. P. 147–183.

Koski L. Hyvän lapsen ja kasvattamisen ideaalit. Tutkimus aapisten ja lukukirjojen moraalisen kosmologian muutoksista itsenäisyyden aikana. Turku: Suomen Kasvatustieteellinen Seura, 2001. 223 s.

Martikainen A. Aapisten perhearvot itsenäisyyden ajalla. Toimijuus ja vuorovaikutus aapistekstien perheissä. Дипломная работа по специальности «Финский язык». Рукопись. Университет Тампере, 2006. 198 s.

Marttinen T., Salminen A. Ikioma perheeni. Tallina: Pieni Karhu, 2014. 44 p.

Monimuotoiset perheet varhaiskasvatuksessa. Opas kasvatus- ja opetusalan ammattilaisille. Monimuotoiset perheet -verkosto. Helsinki: Monimuotoiset perheet -verkosto, 2020. 38 s.

Paajanen P. Mikä on minun perheeni? Suomalaisten käsityksiä perheestä vuosilta 2007 ja 1997. Perhebarometri 2007. Helsinki: Väestötutkimuslaitos, 2007. 92 s.

Poerksen U. Weltmarkt der Bilder. Eine Philosophie der Visiotype. Stuttgart: Klett-Cotta, 1997. 329 p.

The critical pedagogy reader / Eds.: Darder A., Baltodano M., Torres R. D. New York: Routledge, 2003. 668 p.

Wäre M., Suonranta-Hollo L., Lerkkanen M-K. Pikkumetsän aapinen. Helsinki: WSOY, 2006. 169 s.

Поступила в редакцию 03.06.2021

Илюха Ольга Павловна,

доктор исторических наук,

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

185910, Россия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11

e-mail: ilyukha.olga@mail.ru

Шикалов Юрий Геннадиевич

PhD (история), доцент,

Университет Восточной Финляндии,

FI-80101, Финляндия, г.Йоэнсуу, Юлиопистокату, 2

e-mail: yury.shikalov@uef.fi

O. P. Ilyukha, Yu. G. Shikalov

**MODELS OF FAMILY AND GENDER RELATIONS IN KARELIAN AND FINNISH BOOKS
FOR TEACHING READING IN THE ETHNO-CULTURAL CONTEXT
OF THE LATE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES**

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-1-165-179

The dynamic changes of the last decades taking place in society, including the ethno-cultural sphere, are reflected in the content of ABC-books and other books for teaching children to read. These specific products of culture by means of their native language convey an authoritative picture of the world and contribute to the

formation of ethnic, gender and other levels of identity. In this article, the texts and illustrations used for the analysis reveal the theme of family and gender relations in the conditions of the last period of modern history. Based on the materials of books used in educational institutions of Karelia and Finland, strategies and methods of family representation, directions of intergenerational transmission of family values are shown. The types of families that are found on the pages of these publications are identified, and the transformations of the image of the family over the past three decades are shown. The comparative approach made it possible to establish that at the turn of the 20th and 21st centuries Karelia and Finland are characterized by multidirectional strategies in the representation of family and gender relations, and ethnic family traditions are represented to different degrees. Books for primary schoolchildren published in Karelia are an example of a conservative approach for showing family models and gender interactions in a micro-society. In these textbooks, only the full family model is presented as a guideline for the formation of value attitudes. In Finland there are many variations to give a child the opportunity to see himself/herself and his/her own family situation “in the mirror of the book”. There is a rejection of the representation of the traditional ethnic family model; its replacement by ethnically unmanifest forms of family unions takes place.

Keywords: Karelia, Finland, history of education, ethnic culture of a family, representation, gender, ethno-cultural social transformations.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 1. P. 165–179

REFERENCES

- Antonov A. I., Medkov V. M.** *Sotsiologiya sem'i* [Sociology of the family]. Moskva, 1996. 304 p. In Russian.
- Barannikova N. B., Bezrogov V. G., Makarevich G. V., Markarova T. S.** Uchebnik dlya nachal'noi shkoly 1900–1940-kh gg. kak zapovednik pedagogicheskikh idealov [Primary school textbook of the 1900s–1940s as a reserve of pedagogical ideals]. “*Pora chitat'’*”: bukvari i knigi dlya chteniya v predrevolyutsionnoi Rossii, 1900–1917 gg. [“It's time to read”: primers and books for reading in pre-revolutionary Russia, 1900–1917.] Sb. nauchnykh trudov i materialov. Eds. T. S. Markarova, V. G. Bezrogov. Moskva, 2010. P. 7–40. In Russian.
- V'eloveiski P., Debus K., Kenneke B., Shverma K., Shtuve O.** Genderno-chuvstvitel'naya rabota s mal'chikami v shkole: kontseptual'nye osnovy i vyvody iz ryada kursov povysheniya kvalifikatsii uchitel'nits i uchitelei v Germanii [Gender-sensitive work with boys at school: conceptual foundations and conclusions from a number of advanced training courses for female teachers and teachers in Germany]. *Na pereput'e: metodologiya, teoriya i praktika LGBT i kvir-issledovaniy* [At the Crossroads: Methodology, theory and practice of LGBT and Queer studies]. Saint-Petersburg, 2014. P. 379–388. In Russian.
- Gukalenko O. V., Levitskaya I. B.** *Innovatsionnye tekhnologii: vospitanie tsennostnogo otnosheniya k sem'e v usloviyakh shkol'nogo obrazovaniya* [Innovative technologies: education of the value attitude to the family in the conditions of school education]. Tiraspol', RIO PGU Publ., 2001. 87 p. In Russian.
- Danilyuk A. Ya., Kondakov A. M., Tishkov V. A.** *Kontseptsiya dukhovno-nravstvennogo razvitiya i vospitaniya lichnosti grazhdanina Rossii* [The concept of spiritual and moral development and education of the individual citizen of Russia]. Seriya “Standarty vtorigo pokoleniya” [Series “Standards of the second generation”]. Moskva, Prosveschenie Publ., 2009. 24 p. In Russian.
- Demidova N. I.** Vzaimodeistvie detskogo sada i sem'i v protsesse formirovaniya “obraza sem'i” u starshikh doshkol'nikov [Interaction of kindergarten and family in the process of forming the “image of the family” in older preschoolers]. *Detskii sad ot A do Ya* [Kindergarten from A to YA], 2004, No. 4. P. 79–83. In Russian.
- Dorogoi drug: sotsial'nye modeli i normy v uchebnoi literature 1900–2000 godov (istoriko-pedagogicheskoe issledovanie)* [Dear friend: social models and norms in educational literature 1900–2000 (historical and pedagogical research)] Kollektivnaya monografiya [Collective monograph]. Eds. V. G. Bezrogov, T. S. Markarova, A. M. Capenko. Moskva, Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2016. 568 p. In Russian.
- Zharinova O. M., Baryshnikova A. V., Kondrat'eva S. F., Scherbakova T. V.** *Karjalan kieli 1: uchebnik dlya 1 klassa obscheobrazovatel'nykh uchrezhdenii* [Karjalan kieli 1: textbook for the 1st grade of general education institutions]. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2007. 39 p. In Karelian.
- Zaikov P. M.** *Kaunista Karjalua: luventakirja vienankarjalaksi. 2. luokka. Kniga dlya chteniya dlya severo-karel'skikh shkol* [Kaunista Karjalua: luventakirja vienankarjalaksi: 2 luokka. A book for reading for North Karelian schools]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1993. 117 p. In Karelian.

Zaikov P. M. *Luvemma vienankarjalaksi: 3–4. luokka. Kirja dlya chteniya na severo-karel'skom dialekte* [Luvemma vienankarjalaksi: 3–4 luokka. A book for reading in the North Karelian dialect]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1995. 167 p. In Karelian.

Iyukha O. P., Shikalov Yu. G. *Reprezentatsiya doma i sem'i v bukvaryakh i uchebnikakh dlya karel'skikh detei pervoi poloviny XX v.* [Representation of home and family in primers and textbooks for Karelian children of the first half of the XX century]. *Karel'skaya sem'ya vo vtoroi polovine XIX – nachale XXI v.: etnokul'turnaya traditsiya v kontekste sotsial'nykh transformatsii* [Karelian family in the second half of the XIX – beginning of the XXI century: ethno-cultural tradition in the context of social transformations]. Petrozavodsk, KarNC RAS Publ., 2013. P. 375–396. In Russian.

Iyukha O. P., Shikalov Yu. G. *Konstruiruya identichnost': obrazy Rossiiskoi Karelii i Finlyandii v knigakh-puteshestviyakh dlya detei nachala XXI veka* [Constructing Identity: Images of Russian Karelia and Finland in Travel Books for Children of the Beginning of the XXI Century]. *Gibkie etnichnosti. Etnicheskie protsessy v Petrozavodske i Karelii v 2010-e gody* [Flexible ethnicities. Ethnic processes in Petrozavodsk and Karelia in the 2010s]. Sankt-Peterburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. P. 262–292. In Russian.

Klement'ev E. I. *Karel'skaya gorodskaya sem'ya. Sotsiologicheskii obzor obsledovaniya 1972 g.* [Karelian city family. Sociological review of the 1972 survey]. *Karel'skaya sem'ya vo vtoroi polovine XIX – nachale XXI v.: etnokul'turnaya traditsiya v kontekste sotsial'nykh transformatsii* [Karelian family in the second half of the XIX – beginning of the XXI century: ethno-cultural tradition in the context of social transformations]. Petrozavodsk, KarNC RAS Publ., 2013. P. 272–285. In Russian.

Markianova L. F., Dubrovina Z. M. *Aberi / Bukvar'* [Aberi / ABC book]. Petrozavodsk, 1990. 95 p. In Karelian.

Pankrat'eva E. V., Horoshilova T. E. *Karjalan kieli, 1: uchebnik dlya 1 klassa* [Karjalan kieli, 1: textbook for the 1st grade]. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2007. 39 p. In Karelian.

Pankrat'eva E. V., Horoshilova T. E. *Karjalan: 2. luokka. Karel'skii yazyk: sobstvenno-karel'skoe narechie: uchebnik dlya 2 klassa obscheobrazovatel'nykh uchrezhdenii RK* [Karjalan: 2. luokka. Karelian language: proper Karelian dialect: textbook for the 2nd grade of general education institutions of the Republic of Kazakhstan]. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2008. 59 p. In Karelian.

Sal'nikova A. A., Galiullina D. M. *Tatarskaya «Alifba»: istoriya i sovremennost'* [Tatar "Alifba": history and modernity]. Kazan', Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2016. 196 p. In Russian.

Sorokina E. A. *Deti i roditeli sovremennoi Shvetsii* [Children and parents of modern Sweden] *Gender v fokuse antropologii, etnografii sem'i i sotsial'noi istorii povsednevnosti* [Gender in the focus of anthropology, family ethnography and social history of everyday life]. Moskva, 2019. P. 272–278. In Russian.

Chikina N. V. *Detskaya literatura Karelii na finskom, karel'skom i vepsskom yazykakh.* [Children's literature of Karelia in Finnish, Karelian and Vepsian languages]. Petrozavodsk, 2012. 150 p. In Russian.

Shumilova M. M. *Sem'ya v Karelii v nachale XXI v.* [Family in Karelia at the beginning of the XXI century]. *Karel'skaya sem'ya vo vtoroi polovine XIX – nachale XXI v.: etnokul'turnaya traditsiya v kontekste sotsial'nykh transformatsii* [Karelian family in the second half of the XIX – beginning of the XXI century: ethno-cultural tradition in the context of social transformations]. Petrozavodsk, KarNC RAS Publ., 2013. P. 315–328. In Russian.

Aarnio K., Kylmä J., Solantaus T. & Rotkirch A. *Sateenkaariperheiden vanhemmat. Kokemuksia lasten hyvinvoinnista, perhesuhteista ja tuen saannista.* Helsinki: Väestöliitto, 2018. 187 s. In Finnish.

Democratic Schools: Lessons in Powerful Education / Eds. Michael Apple and James A. Beane. Portsmouth, N H: Heinemann, 2007. 174 p. In English.

Harainen P., Lumme L. *Emma ja erilainen perhe.* Helsinki: WSOY, 2009. 25 s. In Finnish.

Havukainen A., Toivonen S. *Tatun ja Patun Suomi.* Keuruu: Otava, 2007. 48 p. In Finnish.

Huovi H., Wäre M., Töllinen M. *Iloinen aapinen.* Espoo: Weilin + Göös, 1991. 177 s. In Finnish.

Järvinen P., Kyllijoki V., Mansikka N. *Pikku Vipunen.* Keuruu: Otava, 2007. 96 s. In Finnish.

Kaljunen A., Karemo B., Metsikkö T. *Kotiaapinen.* Tampere: Valistus, 1969. 81 s. In Finnish.

Kallioniemi T., Katajamäki M., Raikunen S. *Aapinen: Satulakka, Viestivakka, Tietopakka.* Keuruu: Otava, 1994. 175 s. In Finnish.

Kallioniemi T., Raikunen S. *Hauska matka Aapinen.* Keuruu: Otava, 2001. 176 s. In Finnish.

Katajavuori R., Toivanen R., Tokola M. *Meidän pihan perhesoppa.* Helsinki: Tammi, 2015. 35 s. In Finnish.

Kincheloe Joe L. *Critical Pedagogy in the Twenty-First Century: Evolution for Survival. Counterpoints.* Vol. 422: *CRITICAL PEDAGOGY in the new dark ages: challenges and possibilities.* 2012. P. 147–183. In English.

Koski L. *Hyvän lapsen ja kasvattamisen ideaalit. Tutkimus aapisten ja lukukirjojen moraalisen kosmologian muutoksista itsenäisyyden aikana.* Turku: Suomen Kasvatustieteellinen Seura, 2001. 223 s. In Finnish.

Martikainen A. *Aapisten perhearvot itsenäisyyden ajalla. Toimijuus ja vuorovaikutus aapistekstien perheissä.* Thesis on the specialty “Finnish language”. The manuscript. University of Tampere, 2006. 198 s. In Finnish.

Marttinen T., Salminen A. *Ikioma perheeni.* Tallina: Pieni Karhu, 2014. 44 s. In Finnish.

Monimuotoiset perheet varhaiskasvatuksessa. Opas kasvatus- ja opetusalan ammattilaisille. Monimuotoiset perheet -verkosto. Helsinki: Monimuotoiset perheet -verkosto, 2020. 38 s. In Finnish.

Paajanen P. *Mikä on minun perheeni? Suomalaisten käsityksiä perheestä vuosilta 2007 ja 1997. Perhebarometri 2007.* Helsinki: Väestöntutkimuslaitos, 2007. 92 s. In Finnish.

Poerksen U. *Weltmarkt der Bilder. Eine Philosophie der Visiotype.* Stuttgart: Klett-Cotta, 1997. 329 p. In German.

The critical pedagogy reader. Eds.: Darder A., Baltodano M., Torres R. D. New York: Routledge, 2003. 668 p. In English.

Wäre M., Suonranta-Hollo L., Lerkkanen M-K. *Pikkumetsän aapinen.* Helsinki: WSOY, 2006. 169 s. In Finnish.

Received 03.06.2021

Ilyukha Olga Pavlovna,

Doctor in History,
Institute of Linguistics, Literature and History
of the Karelian Research Centre,
Russian Academy of Sciences,
185910, Russia, Petrozavodsk Pushkinskaya str.,11
e-mail: ilyukha.olga@mail.ru;

Shikalov Yurii Gennadievich,

PhD in History, Associate Professor
University of Eastern Finland,
FI-80101, Finland, Joensuu, Yliopistokatu, 2
e-mail: yury.shikalov@uef.fi